

АНДРЕЙ МАНУШИН

ГАВАНЬ

12+

Андрей Манушин
Гавань

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Манушин А.

Гавань / А. Манушин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-10552-2

Последние четыреста лет вся жизнь людей сосредоточена в дрейфующем по океану мегаполисе. Сэйджа — сирота с побережья, где на узком клочке земли обитают лишённые всякой надежды отбросы общества. Скованный густым смогом от плавучего города-спрута, мир Сэйджа не знает ни солнца, ни радости, а человеческое общество куда более отвратительно, чем самые зловонные трущобы и непрекращающийся ни на минуту голод. Но среди вечных мрака и нищеты к мальчику попадает безделушка, обладать которой желает и всемогущее правительство, и его противники, а для самого Сэйджа теперь начинается новая жизнь.

ISBN 978-5-532-10552-2

© Манушин А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Андрей Манушин

Гавань

Сэйджа в ужасе раскрыл глаза и схватился за одеяло свободной рукой. Другая уверенно сжимала засаленный свиток. По пожелтевшей бумаге скакали, словно дразнясь, символы; неровные строчки, выведенные детской рукой. Он сел, неуклюже стараясь держать равновесие, чтобы не завалиться обратно в постель. Сознание еще проваливалось в сон, не давая ему до конца осознать простую и страшную истину.

Он проспал.

Прилив начнется уже через пару часов. За это время Сэйджа должен был обойти свой участок. Сердце заколотилось, а босые ноги зашлепали по полу. Он подхватил фонарь, от которого едва ли становилось светлее, и выскочил на улицу. Ведомость, втиснутая под мышку, неприятно давила на торчащие ребра чумазого рыжеволосого мальчугана. В кудряшках запутались перья и стружка, которыми была набита его подстилка. В животе заурчало. Мысли о засохшей корочке хлеба и почти свежей шоколадной конфете под подушкой перебивались ругательствами на самого себя. Сэйджа впервые проспал отлив, и теперь времени для работы у него практически не было. Он почувствовал изнеможение, и мечтательной дымкой всплыли в его голове несколько спасительных часов после того, как бурлящие волны обнажают грязный песок. Теперь надежды найти что-либо ценное растаяли.

Ветер на побережье был очень силен. Окрестности, скалы, пляж и море размывались в его порывах, и их темные силуэты превращались в привычный ночной пейзаж. Глаза Сэйджа заслезились, и он понял, что ему неизвестно время. В слегка побагровевших сумерках читалось раннее утро, но соленая пена была затянута блеклой пеленой глубокого вечера – это лунный свет отражался от воды бледной поганкой. Он поежился от прохлады и свежести. В кустах за скользкими ступеньками что-то дернулось и двинулось вслед за мальчиком. Он отпрянул и попятился к уже пропавшей в темноте лачуге. Из шуршащей листвы, словно сухая ветка, показался черный отросток. Сэйджа поднял камень и швырнул его в заросли. Испуганный краб засеменил прочь, клаясь клешнями. Наступила тишина.

Мальчик ступал по влажному песку, увязая в нем, и внимательно смотрел по сторонам. На берегу то там, то здесь появлялись выплеснутые океаном предметы – обломки досок с плавучих пристаней, разбитые стекла бутылей из-под рома, лоскутки ткани, ржавые гвозди и пучки соломы. Все это мальчик отправлял в большой грубый мешок. Все это шло в дело. Иногда ему везло, и попадались целые сосуды и не рваная одежда. Тогда его скудный паек из хлеба и воды пополнялся несколькими видами каш. Загнанная по хорошей цене рубаха могла кормить его неделю. Но часто Сэйджа не мог проявить силу воли, и его страсть к шоколаду побеждала благоразумие. Конфеты стоили дорого. За последнее лакомство он отдал пустой флакон духов, обрекая себя на одноразовое питание.

Все, что нельзя было продать, Сэйджа приносил в дом. Этим можно топить печку, набивать подстилку, затыкать щели и укрываться по ночам. Просыпать драгоценные часы отлива – непростительная роскошь. На побережье полно умников, желающих обчистить и твой участок.

От небольшой бухты к слоистой породе скалы. Иногда предметы утопали в песке, и их приходилось откапывать. Сегодня у него не было на это времени. Сэйджа, проклиная себя, бежал по пляжу, стараясь охватывать взглядом все пространство от серебристой глади до кустарников и поросших мхом валунов выше на склоне. Но в крошечной темноте ничего не было видно. Тусклый огонек фонарика не пробивался сквозь закопченное до черноты стекло, и Сэйджа едва мог разобрать, что лежит у него под ногами. Ночью собирательство опасно еще и тем, что можно наступить на осколок или лезвие. Тогда дела твои совсем плохи. Искатели побережья умирают от заражения крови чуть ли не каждый день, подхватив болезнь от неза-

метной царапины. Вещи могут обрастать водорослями, становясь домом для разных тварей. Да и песок здесь не отличался чистотой. Иногда море выплескивало на берег темные пятна топливных разливов, покрывая все находки толстой пленкой из ворвани, моторного масла и дизеля. Выходить в такие дни на работу было вредно, но возможность выбора никогда не появлялась.

Сэйджа отчаянно водил ногами по песку, надеясь наткнуться на что-то. Он подобрал несколько безделушек и пустых раковин, но до базара еще три недели, а подобные мелочи неинтересны обычным торговцам, ремесленникам или жителям трущоб. Покупатели всегда взрослые. Им не нужны ракушки, если из них не сделано ожерелье, поэтому посредник в сделках почти всегда необходим.

Впереди что-то призывно блеснуло, и Сэйджа бросился навстречу. Прочистив от песка цепочку, он вытянул из земли медальон. Приятная наощупь гравировка с письменами, тонкая резьба и качественная огранка камня в центре, между двух миниатюрных дверц кулона. Мальчик озирался по сторонам, не веря глазам. Золото. Настоящее золото! Он быстро искупал находку в море и повесил на шею. Немного подумав, спрятал амулет под одеждой. Ноги увязли во влажном иле.

Начался прибой.

Сквозь нагар на чайнике блеснул металл. Мутная водица внутри не была заметна в черноте закопченного сосуда, а потому не вызывала отвращения. Печка слабо потрескивала – последние дрова были сырыми. Живот заговорил, потом настойчиво и протяжно заныл, призывая обед, и Сэйджа достал заветную сладость, развернул шуршащую бумагу, положил конфету под язык и застонал от удовольствия. Шоколад быстро таял. Оторваться от волшебного угощения было невероятно сложно. Сделав чудовищное усилие, он вытащил сладость изо рта и, завернув, убрал назад под подушку. Такое богатство нужно хранить как зеницу ока.

На берегу сегодня он не успевал записывать в протокол все, что находил, поэтому принялся заполнять ведомость теперь, перебирая холщовый мешок с находками. Никто не интересовался этими записями, но мальчик исправно вел журнал, полагая, что это помогает ему в делах. Рядом с проданным товаром он ставил крестик, отмечая, что он получил взамен или сколько монет выручил, рядом с тем, что использовал сам – галочку, а неприкаемые товары обзаводились грустным кружочком и отправлялись в плохо сколоченную им тумбочку или под лавку. Это было последнее пристанище бесполезных вещей.

Пока чайник медленно нагревался, Сэйджа занялся таинственным амулетом. Он не мог разобрать письмена, но они и не интересовали его. Он водил пальцами по граненому камню, в котором преломлялись редкие отблески от печки и масляного фонаря. Свет играл в нем, покрывая медальон удивительной радужной шапкой. Осторожно, боясь повредить драгоценный предмет, Сэйджа открыл его крохотные дверцы. В ту же секунду по комнате разлилось чистое и белоснежное сияние, так что жалкая лачуга загорелась изнутри ярче солнца, вспышкой озарив все побережье на многие мили вокруг. Он поспешно закрыл небольшие створки амулета, приходя в себя и часто моргая. Потом он быстро засунул его в деревянный ящичек, служивший когда-то табакеркой капитану или колонисту. Скорее всего, хозяин ее уже давно стал пищей для акул. Теперь это была сокровищница, ларец для настоящих находок. Медальон, без сомнений, был подарком судьбы.

Пламя в печи горело слабо и не могло вскипятить чайник. Сэйджа отхлебнул тухлой воды, ставшей едва теплой, и она показалась ему несказанно вкусной, будто бы он пил из ключа. Мальчик отвернулся к стене и поскорее заснул, чтобы не чувствовать голода и не тратить времени впустую. Следующий отлив придется пропустить.

Крик чаек разлетелся по побережью. Когда Сэйджа проснулся, было уже достаточно светло. Солнце, прячась за серой пеленой облаков и растворяющего все вокруг тумана, все

же поглядывало на ветхую хижину с полуденной высоты. Мальчик собрался и, перекусив не успевшим заплесневеть сухарем, вышел вон.

Четверть мили до пакгаузов по пустой набережной с одинокими и крайне редкими хибарами из гнилого дерева, глины и выброшенных морем останков кораблей. Все соседи – такие же собиратели даров моря, как он. Четверть мили до бесконечных рядов зловонных барачков, перепачканных субстанцией сомнительного происхождения. Потом вереница узких троп и переулков, с навешанными над ними балкончиками, переходами и мансардами, в которых гуляющие сквозняки побережья играют концерты ничуть не хуже оркестра из кабаре на углу Болотной Впадины и Разбитых Заводей. Оттуда полмили через Красное Ущелье. Тоннель, соединявший две скалы, пролегал в хребте какого-то ископаемого, размерами которого, должно быть, можно было впечатлить даже небесные светила. Шагая по костям, Сэйджа фантазировал, каким крепким был этот зверь, если спустя миллионы лет его скелет соединяет две стороны каньона лучше любого моста. Оттуда к докам, через погрузочный цех напрямик к общественной пристани. Денег на частный рейс у него не водилось. Кататься за свой счет – вот же бесполезная и необъяснимая забава состоятельных магнатов, как всегда возмутился мальчик, стоя в длинной очереди порядочных и честных, то есть нищих работяг.

Великая Гавань представляла собой станцию с трактиром, амбаром и топливным складом. Когда-то. Шли долгие годы, наверное, подозревал Сэйджа, даже века, и постепенно платформа обрастала кораблями. Сначала к ней причалили на вечную стоянку оружейный галеон, ставший магазином боеприпасов, корвет братьев-ремонтников, превратившийся в инструментальную лавку с услугами плотника, и плавучая батарея, ставшая надежным фортом на страже правопорядка. Капитаны этих судов со временем сколотили неподдающееся подсчетам состояние и основали знаменитые династии легендарного Первого Совета, став, таким образом, родоначальниками правящей верхушки Великой Гавани.

Волны несли на своих гребнях недели, месяца и долгие лета. К станции со всего света пришвартовывались все новые корабли, караваны и целые флотилии. Длинные столбы, на которых она стояла, сгнили, и их места заняли тысячи тяжелых якорей, привезенных пришельцами. Посреди моря росли новые кварталы, к ним присоединялись дрейфующие остовы судов и даже туши китов, и плавучий город разрастался, со временем превращаясь в центр этого мира. Пароходы и баржи поселили в своих корпусах ремесленные производства и мануфактуры, заводы вырастали в каютах паромов, отживающие свой век парусники сменялись броненосцами и субмаринами. На скованный цепями остров переселилось большинство жителей планеты. Когда удерживать такое поселение якорями стало невозможно, это дело забросили. Теперь Великая Гавань медленно кружится вокруг своего центра и может менять свое местонахождение, повинаясь течениям. Поэтому покидая твердь всего несколько раз в год, никогда не знаешь, к какому району плавучего мегаполиса причалишь.

Само собой, проникать вглубь материков ее жители не особенно стремятся. Исследовать земли вызываетесь ничтожное количество смельчаков. Они никогда не возвращаются. Сказки о прекрасной жизни на твердой почве бередают умы только отчаянных мечтателей. Немногие колонисты решаются повторно заселять континенты, уповая на рассказы о древних цивилизациях, когда-то перебравшихся на море. Истории о былом пользуются не большей популярностью, чем байки о гигантских чудовищах, обитающих в пучине. Но даже на поиски последних выделяется больше средств, чем на восстановление оставленных когда-то городов. Да и зачем? Ведь огромные кальмары, глубоководные змеи или подводные драконы могут оказаться куда полезнее, если их смогут приручить. А вот жизнь осевших на побережье людей, по сравнению с населением Великой Гавани – ад, который можно лицезреть собственными глазами.

Сэйджа выпрыгнул на скользкие мостки в искусственной бухте рядом с Площадью Форватора. Сейчас там проходила ярмарка, и он, не желая потеряться в толпе, отправился на байдарке по Мерцающему каналу до его впадения в Сливочное озеро. Оттуда он направил свое

корыто через шлюзы Водоразбора к Топким прудам. Строго говоря, эта посуда не принадлежала ему. Но в общей суматохе неприглядный одноместный таз с приделанным к нему кое-как рулем-веслом показался ему вполне подходящим транспортом, тем более что он постоянно прибегал к его услугам во время своих редких визитов в Великую Гавань. Возможно, что другого хозяина это суденышко и не знало.

Высидевшись у Рыбного моста, Сэйджа проследовал по ржавым переулкам и навесным балкам к Пристанищу. Под ним мелькали дешевые забегаловки и трактиры, затянутые плющом ночлежки и гостиницы моряков, узкие колеи паровых вагонеток и раскрошившаяся черепица бакалейных. Оттуда тянуло едой и нечистотами. Над головой тянулись провода телеграфа и трубки пневмопочты, а за ними, нависая карнизами над улицей, словно хмурясь, располагались ювелирные магазины и книжные лавки. Еще выше пролегали трасы гоночных парокаров. Сверху доносились приятные запахи типографий и горячего кофе. Сквозь них Сэйджа почувствовал свежий бриз с океана.

Он пересек Радужный сквер с механическими соловьями и очутился на Паровой улице – самой широкой в этом районе. Он шел мимо витрин с одеждой и показательных стендов косметических салонов, втиснутых в высушенные и очищенные туши блювалов, размышляя, как ему продать такую редкую вещицу. Взрослые попытаются надуть его, он даже не сомневался в этом. Как ему сбыть кулон и не продешевить? Да что там продешевить, как бы его не убили! И что будет, если они откроют его? На мгновение ослепительно яркое сияние вновь появилась перед глазами.

Он осмотрелся. За столиком у ресторана, фасад которого был обтянут кожей касаток, дама и господин обсуждали перерывы в отношениях. Все это звучало слишком искусственно, потому что они старались рассуждать гипотетически, отрываясь от своего опыта.

– Я этого категорически не приемлю, – повышал голос джентльмен в клетчатом костюме. – После этого о браке можно забыть. Если это не две творческих натуры, конечно, что значит «взять паузу»? От чего? Если вам нужна пауза, серьезных чувств никогда и не возникнет.

– Я смотрю на это иначе, – улыбнулась обладательница более свободных взглядов. – Если меня, например, что-то беспокоит, я захочу все обдумать.

– И в тот момент, когда вы это сделаете, помолвке конец. Большое заблуждение, что вы решите ваши общие проблемы без своей половинки. С другой стороны, подобный способ может быть проявлением малодушия – мы все еще вместе, но я могу делать все что хочу. После этого свести общение на нет или оправдать появление третьего лица гораздо легче... Вы что-то ищете, юноша?

Сэйджа не особенно понимал, о чем они говорят, но заслушавшись, подошел слишком близко и уставился на пару. Поняв, что к нему обращаются, он неловко поклонился и попятился прочь.

Сначала он подумал, что камень можно было бы вытащить, а медальон переплавить. Но это не сильно спасло бы его, покажи он драгоценность антиквару или ростовщику из Пристанища. Там сироту, разгуливающего с золотом в поисках покупателя, либо убьют, либо одурачат. В более благополучных районах его бы просто схватили, приняв за воришку. Он проскользнул вдоль ограды Стеклоанной аллеи на проспект Переселенцев. Веселая и шумная трасса подхватила его, закружила, поднимая на воздушных потоках к кучерявым клубам дыма с фабрик и гончарных мастерских на соседнем бульваре Невольников. Он растворился в хороше рей, на которых сушили белье, потерялся среди флагов и плакатов, вздернутых древками к самому небу, утонул в переходах между уровнями зданий, битком набитых людьми. Оказавшись в Безымянном переулке, он пропустил вперед телегу и сам вскочил на приступку сзади. Так он добрался до Камышового Дола и направился вдоль бесконечных лачуг у сточной канавы. Стены домов и ограды участков были украшены портретами чумного доктора в черном плаще.

Защитная маска с клювом всегда смотрела прямо на Сэйджа, и от этого ему было не по себе. Что означали эти изображения? Неужели каждую из этих хибар посетила смерть? Его мать тоже умерла от холеры, и он ее почти не помнил. Мальчик поскорее оставил Дол позади и оказался на нижнем ярусе Великой Гавани.

Здесь народу было поменьше. Пристанище не привлекало туристов, сюда не заглядывали даже проститутки, уличные разносчики и домашняя прислуга, в нем нечего было делать состоятельным гражданам, а мигранты, имевшие хоть немного привезенного с собой имущества, предпочитали обходить его стороной. Это были территории неприкасаемых, тех, кто спустился на самое дно Великой Гавани. Это дно, конечно, было гораздо выше уровня жизни на побережье, но по меркам зажиточных горожан из предместья Восход, владельцев особняков и замков в Центральном Саду и жителей уютных кают пассажирских лайнеров, здесь могли существовать только отбросы.

Сэйджа искал глазами подходящую вывеску, по слогам читая привязанные к шпилям и фонарям таблички. Мимо пронесся конный трамвай. Извозчик, окатив мальчика мерзкой жижей, напоследок ошпарил его щеку длинным хлыстом, сплюнув сквозь опухшие губы вдогонку. Женщина с корзиной белья презрительно ухмыльнулась. Карманник в стеганом камзоле окинул гостя профессиональным взглядом, тут же потеряв интерес к происходящему. Кто-то смачно выругался прямо над головой. Огненно-рыжие волосы в сером от копоти и дыма воздухе казались теперь грязной пожеванной мочалкой. Мальчик высморкался, показывая миру свое пренебрежение, и двинулся к наспех раскинутой под шатром таверне. Он вытер вспотевшие ладошки и мельком взглянул на покрасневшее лицо в отражении лужи. Его окликнули.

– А, Сэйджа! Иди сюда, ты мне как раз нужен!

Глонмус Балервик махнул обернувшимся на зов рукой, приглашая проследовать в дом. Старьевщик на углу выгребной канавы и Сырой набережной был частым покупателем находок детей с побережья. Для них это был самый легкий способ сбыть товар, для него – самые выгодные сделки. Не всякий торговец будет работать с отребьями с суши, поэтому торговаться не приходилось. Сэйджа планировал заглянуть к нему, если в тених Старого парка не удастся отыскать какого-нибудь контрабандиста. Люди, ходящие по лезвию закона, должны быть более уступчивыми и осторожными в запросах.

В прихожей Глонмуса пахло ветошью. Тряпки свисали с потолка, вместо занавесок. Сэйджа раздвинул лохмотья и прошел в сени, казавшиеся вполне приличными из-за шкур на стенах. Это были краденые меха, но Балервика не заботило их происхождение, его беспокоил производящий на посетителей впечатление вид его обители. Не многие влиятельные гости проходили из сеней на кухню, где пылились засохшие рулеты, обрастали паутиной углы с плесенью и покрывались коррозией медные трубы, лучами торчащие из парового котла.

Но сегодня у него был особый гость. Высокий мужчина в сером пальто и строгой шляпе выделялся на фоне облезлых стен как чернильная клякса посреди эдикта на гербовой бумаге. Он поднялся с потрескавшейся в нескольких местах табуретки и наклонился к Сэйджа, когда тот вошел, внимательно уставившись ему прямо в глаза.

– Вот, господин Арзвайль, один из моих мальчишек. Вы можете сами спросить его про этот амулет.

– Как тебя зовут? – холодно поинтересовался у остолбеневшего мальчугана незнакомец.

– Сэйджа, – кивнул тот, слегка приподнимая руку в приветствии.

– Сэйджа, ты давно работаешь на побережье? – лицо дознавателя не выражало эмоций.

– Со смерти моего отца. Уже полтора года, – добавил он, немного посчитав.

– Тебе случайно не попадалось ничего необычного последнее время? Нет? Никаких диковинок?

Сэйджа отрицательно покачал головой и немного прокашлялся.

– А что вы ищите, господин?

– Эта вещица очень опасная, тебе не следует даже... – сухо начал мужчина.

– А кто вы?

Голос мальчика не дрогнул.

– Это инспектор по особенным происшествиям, – ответил Глонмус, улыбаясь, будто он рассказывал ребенку об устройстве вселенной.

– Можем мы поговорить с вами наедине? – неожиданно прервал его Арзвайль, не сводя глаз с Сэйджа. Когда он вышел в коридор, ищейка нервно обратился к старьевщику:

– Вы думаете, я желаю иметь дела с этими гнусными подбиралами? Если бы я хотел поговорить с кем-то из них, я бы прямиком отправился туда, – с презрительной иронией сказал он. Подслушивающий разговор мальчик скривил губы, усмехнувшись шутке. Даже отбросы из Пристанища не посещают побережье. – Я хочу вам напомнить – магия у нас запрещена.

– Я знаю, знаю, господин Арзвайль, мне хорошо известны законы Великой Гавани, это священного ковчега цивилизации...

– Сегодня ночью кто-то открыл медальон, – пропуская подобострастие старьевщика мимо ушей, сообщил инспектор. Он говорил медленно и очень выразительно, вернув себе прежнее хладнокровие. – Кто-то с того участка, с которым вы работаете. Слезливая бухта, – он помолчал, давая собеседнику возможность осознать сказанное. – Свет видели около четырех утра. Если они принесут вам его. Если они попытаются его сбыть. И даже если вы будете соблазнены возможностью заработать. Я рассчитываю, вы сразу свяжетесь со мной. Иначе мне придется навестить вас снова.

Огниво детектива назидательно щелкнуло.

– Конечно, господин Арзвайль, это даже не обсуждается. Я никогда бы не стал потакать запретным искусствам. Я просто скупщик!

Он бросился к дверям.

– Тебе лучше отдать этому джентльмену то, что он просит, – прошептал Глонмус, выйдя к ожидавшему за ними мальчику, и сжал его плечи. Старьевщик был необычайно бледен. Над колдовством мрачной тенью нависала смертная казнь с конфискацией имущества. За свою жизнь он держался даже не так сильно, чем за добро, которое собирал по крохе с подросткового возраста, скрупулезно экономя на каждой пылинке. Но парадокс был в том, что душу осужденного преступника помещали в такие вот огнива – чтобы инспектора могли охотиться на магов, используя волшебство. Высеченные искры могли испепелять любой материал, даровать смерть, а провести вечность, стучаясь о камень, будь то по поводу или без того, Глонмус Балервик желал еще меньше, нежели потерять все, что было ему дорого.

Сэйджа снова зашел в комнату, вытянулся во весь рост, и заговорил, старательно проговаривая каждое слово:

– Господин инспектор, я не знаю, о чем вы говорите, и что я должен был найти. Но вы всегда можете прийти ко мне и посмотреть, как я живу. Если бы у меня был какой-то таинственный предмет, обладающий ценностью, я бы не спал в полуразвалившейся конуре и не питался бы засохшими корками и картофельной шелухой.

С этими словами он поклонился и вышел, смутив даже опытного Арзвайля. Вернувшись домой Сэйджа старательно вымарал запись об амулете из своего дневника.

Воздух был тяжелым. Хотя ясного неба обитатели побережья не видели уже много недель, тут было душно, словно кто-то затопил печь и накрыл пляж непроницаемой пленкой. Сквозь густой бурьян у подножья плато к воде устремился хищный визг. Кусты задрожали, пуская волну, и она дошла до тела Сэйджа, отозвавшись холодными мурашками. Его передернуло. Настороженно прислушиваясь к плавным движениям ночи, он полез через плетеную изгородь.

Арма не спала. Из полуоткрытого окошка на задний двор, заваленный обломками мебели и битыми горшками, летел запах ее волос. Слабостью девочки были не конфеты, а мыло и

бижутерия. В прошлом месяце она поймала в сети королевского краба и обзавелась недешевыми духами. Сэйджа невольно потянул носом, снова ловя ее аромат, отмахнулся от нахлынувших мыслей и тихонько позвал ее. Шепот был хриплым, а оттого неуверенным.

– Ты чего так поздно? – спросила она, высовываясь наружу. Мягкие волосы растеклись по подоконнику. Хозяйка поворачивала головой по сторонам и приветливо улыбнулась.

– Я по делу, – сообщил Сэйджа и полез к ней в комнату. Арма подтянула его за руки, помогая взобраться.

Внутри было также темно, как у него дома, но девочка умудрялась поддерживать порядок даже среди покосившихся дверных проемов, проеденных молью шалей и пледов, погрызенной временем мебели и прогнивших половиц. Они опустились на ее кровать. Серая простынь все же слепила своей белизной на фоне почерневших стен. Арма поджала ноги и протянула гостю пряник. Тот впился в него, пуская слюни, но отломить хотя бы крошку не смог – так сильно он засох. Немного помолчали.

– Послушай, – начал Сэйджа, осторожно подбирая слова и вынюхивая тропу для разведки. Собраться с мыслями мешал твердый кусок теста с глазурным покрытием в руке. – Кому ты обычно продаешь ценные вещицы?

– Балервик скупает все, что я ему принесу, – удивилась Арма. – Иногда я заглядываю к одному купцу на Малом базаре. Но это оттого, что он угощает меня супом. До него добираться слишком долго, а разницы в цене нет. Еще есть гостиница на Скудном переулке. Там в подвале держат лавку конюх и сестра часовых дел мастера. Чем они торгуют, я до сих пор не поняла, но целые флаконы и бутылки я всегда несу им. Однажды я видела там закупоренную банку с человеческой головой, – гордо поделилась она. – Вместо волос у нее были водоросли.

Сэйджа рассерженно бросил пряник на кровать и поднялся.

– А как вообще дела у тебя? – спросил он, понимая, что уйти сразу будет невежливо.

– Очень хорошо, – оживилась Арма и достала из шкафчика музыкальную шкатулку. – Смотри, мне починил ее Велерус Амбл из Горчишной пущи. У меня был день рождения, и я отнесла ему мамин подарок.

Сэйджа вновь опустился на кровать. Он совсем забыл поздравить свою знакомую. Работы было очень много, а еда подходила к концу. Раньше он никогда не пропускал ее праздника. Он взял в руки шкатулку. Ее оставила Арме мама, перед тем как умереть от какой-то сложной и тяжелой болезни. Последние два года инструмент молчал. Сэйджа осторожно поднял крышку, и из завалившейся на один бок лачуги посреди пустынного побережья зазвучала мелодия. Ей вторил ветер, ворвавшийся в прохудившуюся крышу. Засвистело под дверью, затряслись занавески. Мальчик закрыл шкатулку и протянул ее хозяйке. Во рту было горько. Арма молча водила пальчиками по небольшой крышке потерявшей цвета коробочки.

– У меня как раз для тебя есть подарок, – сказал Сэйджа. – Только ты никому не должна про него рассказывать.

Глаза девочки заблестели.

– Правда? Да, да, это я умею, – приложила она пальчик к губам и заулыбалась. В комнате стало теплее. Сквозняки покинули дом.

– Я тут кое-что нашел. Волшебное, – добавил Сэйджа и подмигнул. – У тебя есть плотное одеяло?

Они шли по пляжу, должно быть, впервые не пытаясь разглядеть выброшенную на берег ветку или потерянную кем-то сандалию. Сэйджа вспоминал теплое дыхание Армы под тяжелой накидкой, наброшенной им на головы. Он не видел ее, но чувствовал каждый вздох. Держал в памяти секунду, во время которой все окружающее растворилось в ярком сиянии. Медальон занимал все меньше места в его голове. Девочка, загадочно улыбаясь, не могла думать ни о чем другом.

– А может это принадлежит русалкам?

– Русалок не бывает, – отмахнулся Сэйджа.

– Откуда тебе знать, – резонно заметила Арма. – Я вот видела одну. И мама тоже. Иногда утром у Хмурого Утеса весь берег усыпан их чешуей. Красноватая, переливается зеленым. Бывает еще золотая. Там они линяют, наверное. Приходи и посмотришь.

Сэйджа не был уверен, что русалкам нужно линять, но аргументов на этот счет у него не было.

– Отрастили хвосты, и что теперь, сразу русалки? – возмутился он. – Просто рыб там много, на утесе твоём.

Все что он говорил рядом с ней, казалось ему безумно глупым.

– Что теперь будешь делать?

– Хотел у тебя спросить.

– Медальон продавать нельзя, – рассуждала она. – Все торговцы – жулики и ненадежные. Если кто-то узнает, что он светится, тебя схватят.

– Арма! – окликнул ее незнакомец с кряжа.

– Ройвиг! – улыбнулась она и помахала рукой. – Иди к нам.

Еще один сирота для работы на побережье. Он выглядел старше. Перевязанный бинтами торс, штаны из мешковины и послушные гладкие волосы. Сэйджа с сожалением провел рукой по своей шевелюре. К пальцам прилипла мокрая кувшинка. Откуда она там? И как давно он ходит с ней? Он быстро швырнул скользкий лист на песок.

Знакомый Армы медленно направился к ним и нехотя протянул Сэйджа руку. Тот осторожно пожал ее. Мальчик почувствовал досаду и разочарование. Он вспомнил, как приветлива была с ним девочка, и успел возненавидел Ройвига. Будто бы она была не искренней минутой ранее, будто не становилась ближе с каждой фразой, будто не разделяла до этой встречи ни с кем другим своих секретов. Сэйджа потерял интерес и всякое желание быть тут. Зачем он вообще решил довериться ей? Надо поскорее уйти и оставить их вдвоем.

– Я пойду, – сказал он и коснулся ее плеча.

– Зачем? Ройвиг может помочь, – шепнула она. – Он хороший.

Только теперь он подумал, что Арма единственная девочка в округе. С ней хотели дружить все собиратели. Для нее же он был одним из множества соседей-мальчишек. Раньше это казалось обыкновенным. Но Ройвиг явно думал иначе. Ему она нравилась. Вот он, глупый и заносчивый, смотрит теперь на нее, воображает, будто Арма, эта девочка с побережья, может принадлежать кому-то. Только и ждет, чтобы остаться с ней вдвоем. Сэйджа, конечно, все равно, с кем она хочет проводить время, но нельзя ведь просто позволить выскочке вести себя, как пожелает? Арме может не нравиться его общество. Он уверенно выступил вперед:

– Как давно ты работаешь на побережье? – вспомнил он вопрос Арзвайля.

– Два года.

– Раньше я тебя не видел. Я живу здесь уже четыре.

– А мне то что? – хмыкнул Ройвиг и уставился на Арму. – Пойдешь ко мне? Я вчера нашел такую раковину, – он развел руками, изображая гигантских размеров находку.

К нему? Сэйджа вспыхнул, как помидор и мысли вывалились из его головы. Что он может предложить, чтобы Арма пошла с ним?

– Подумаешь, раковина. Мало что ли в море таких? – сказал он.

– Нет, – девочка вдруг покачала головой. – Сэйджа нашел что-то куда интереснее. Ну же, расскажи ему.

Нет? Она так сказала? Интереснее?

– И что же это? – насутился уязвленный Ройвиг.

– Не твое дело, – отрезал Сэйджа и направился дальше. Арма поспешила за ним.

– Ну, значит, и нет у тебя ничего!

– А вот и есть!

– Нет!

– Есть!

Арма переводила взгляд с одного на другого, неуверенно кутаясь в шаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.